

### Глава 3. Он заплакал

Рядом с Жилым комплексом Тунхуа находился детский сад Тунхуа, а неподалеку располагались сопутствующие учебные заведения: начальная, средняя и старшая школы Тунхуа. Весь этот район был сосредоточением образовательных ресурсов города А. Вокруг школ, составляющих их ядро, теснились книжные магазины, лавки с пианино, магазины игрушек и заведения общественного питания.

После рождения Цинь Шу Фу Цюэчжи и Цинь Чаочэнь купили здесь квартиру. Она находилась не только очень близко к будущему месту учебы Цинь Шу, но и в шаговой доступности от арендованного Фу Цюэчжи офисного здания.

Цинь Чаочэнь вышел из черного представительского автомобиля и окинул взглядом жилой комплекс с успешно реализованным ландшафтным дизайном. Ветви плетистых роз цеплялись за окна, и жильцы одной из квартир, заметив его и Фу Цюэчжи, помахали им рукой.

— Мы живем на третьем этаже, — Фу Цюэчжи протянул Цинь Чаочэнь новенький ключ. — После автокатастрофы твой ключ пропал, я сделал новый.

Маленький ключ упал на ладонь Цинь Чаочэнь, и прохладные кончики пальцев Фу Цюэчжи коснулись его кожи.

Цинь Чаочэнь стоял перед квартирой, которая была в три раза меньше их прежнего дома. Он замер на пороге, наотрез отказываясь верить происходящему и испытывая сильнейшее отторжение:

— Я тоже обанкротился?

Семья Цинь была известным и влиятельным семейством в городе А. Второго молодого господина семьи Цинь с самого детства баловали: он жил в роскошной просторной вилле и ездил на самых крутых спорткарах. Как вышло, что теперь он должен ютиться в столь крошечной квартире?

— Не обанкротился, а нас выставили из дома, — ответил Фу Цюэчжи.

Цинь Чаочэнь: «.....»

— Я... я понял, — Цинь Чаочэнь с неудовольствием сжал ключ в кулаке. Он уперся носком ботинка в косяк, всё еще пребывая в растерянности и не понимая, каким образом он вообще увязался за Фу Цюэчжи.

У него появился малыш. Это так странно.

Всё стало еще хуже, не так ли? Их троих — отца и двух сыновей — вывели из дома метлой. Что за житейские страдания!

В семье Цинь было много родственников, но их ветвь считалась самой выдающейся. По случаю любых праздников и Нового года родственники вечно заваливались к ним в гости, таща за собой детей, которые норовили утащить его игрушки, угнать его машинки и сцапать часы из его спальни. К детям у Цинь Чаочэнь отношение было так себе.

Хотя в больнице он проявлял немалое любопытство к собственному ребенку, у Цинь Чаочэня имелся прескверный изъян: он панически боялся детей.

Цинь Чаочэнь внезапно почувствовал себя так, будто ступил на облака — весь мир вокруг казался невесомым.

Пока Цинь Чаочэнь витал в облаках и предавался раздумьям, Фу Цюэчжи уже вошел в квартиру и непринужденно поманил его за собой, произнеся мягким тоном:

— Мы дома, Чаочэнь.

Хотя Цинь Чаочэнь вцепился в косяк двери, это ничуть не убавило энтузиазма малыша. Ребенок обрадовался:

— Папа! Папа!

— В чем дело? — сменив обувь, Фу Цюэчжи с заботливым видом посмотрел на Цинь Чаочэнь. Заметив младшего сына на диване, он улыбнулся еще теплее.

В игре света и тени лицо Фу Цюэчжи казалось холодноватым, но в этой прохладе сквозила мягкость и неуловимые для Цинь Чаочэня эмоции.

Он ведь не мог признаться, что, пожалуй, боится собственного сынишку. Цинь Чаочэнь разглядывал Цинь Шу, беспокоясь лишь о его здоровье: тот резво прыгал и скакал — совсем крошечный малыш.

Если подумать, за свои восемнадцать лет он даже за руку никого из чужих девчонок не держал. Кончики ушей Цинь Чаочэня слегка покраснели.

— Вс... всё в порядке, — с напускным невозмутимым видом произнес Цинь Чаочэнь.

Он расправил плечи и гордо выкатил грудь колесом, но стоило ему заметить на диване крошечный комочек, как шаги его оборвались. Он вцепился в дверной косяк, не в силах сдвинуться с места, и нос к носу столкнулся с круглыми глазками малыша.

Белый цилиндр на папиной руке напоминал огромное мороженое, так и хотелось его съесть.

Цинь Чаочэнь оцепенел с головы до ног. Сделав малюсенькую, робкую попытку, он опустил руку и положил уцелевшую ладонь на макушку Цинь Шу.

«Меня поймали сразу же, стоило чуть-чуть зазеваться», — Цинь Шу попытался дотянуться до плеча Цинь Чаочэня, но из-за своего крошечного роста не смог достать и слегка расстроился.

Фу Цюэчжи еще не знал о фобии Цинь Чаочэня — после рождения Цинь Шу тот никогда ее не проявлял, и теперь Фу Цюэчжи с удовольствием наблюдал, как сближаются отец и сын.

Малыш перебирал короткими ножками, шлеп-шлеп, и прижался всем телом к бедру Цинь Чаочэня. Весь он был меньше даже половины ноги Цинь Чаочэня.

Он немного растерялся. Наверное, ничего страшного... должно быть. Утешая себя тем, что квартира хоть и маленькая, но со всеми удобствами.

Такой маленький, такой мягкий, от него так пахнет молоком. Цинь Чаочэнь чувствовал себя первооткрывателем, познающим тайны мироздания. Он погладил Цинь Шу по голове, и малыш блаженно задрал подбородок, глядя на отца снизу вверх с полнейшим обожанием.

На сердце у Цинь Чаочэня стало так тепло, будто его окунули в бочонок с медом. Натянутые до предела нервные окончания одно за другим распутывались, и по всему телу разливалось приятное тепло.

— Не загораживай проход, быстрее... Цинь Шу, не ешь! — воскликнул Фу Цюэчжи.

Цинь Шу дотянулся до травмированной руки Цинь Чаочэня и, ухватившись за нее, широко разинул рот и цапнул зубами за гипс!

Цинь Шу молча шмыгнул носом, и слезы градом покатались по щекам, капая прямо на гипс Цинь Чаочэня.

— Па-па, у меня зубки болят.

Движения Цинь Шу были слишком стремительными. Видя перед собой точную уменьшенную копию самого себя, Цинь Чаочэнь забыл обо всем остальном, тут же присел на корточки и обеспокоенно заговорил:

— Сокровище, открой широко рот, дай папа посмотрит.

Фу Цюэчжи тоже не стал терять времени даром — он тут же бросился в спальню за аптечкой, шагая с несколько суетливой поспешностью.

Цинь Шу всхлипывал, и в его темных глазках собирались крупные слезинки, но он послушно приоткрыл рот.

Цинь Чаочэнь внимательно осмотрел зубки Цинь Шу: безупречно белые, десны лишь слегка покраснели, ничего страшного. Только тогда он с облегчением выдохнул.

Сквозь слезы Цинь Шу пробормотал:

— Па-па, мои зубки выпадут?

Он плотно сжал губки, говоря с опаской.

— Ни за что! Когда я был маленьким, я тоже кусался, и ничего страшного не случилось. Твой папа Фу тоже кусался, посмотри, какой он красавчик! — Цинь Чаочэнь сыпал сладкими речами, быстро успокоив малыша.

Выйдя из комнаты и увидев, что Цинь Шу больше не плачет, Фу Цюэчжи почувствовал облегчение. Цинь Шу плакал очень похоже на Цинь Чаочэня — оба они были из тех людей, кто не умеет громко рыдать. Они лишь молча роняли слезы, вздрагивая всем телом от всхлипываний, и от этого зрелища сердце сжималось от жалости.

Он смазал сыну десны лечебным средством. Не успел Фу Цюэчжи перевести дух, как капля за каплей — кап, кап — слезы застучали по тыльной стороне его руки, в которой он все еще держал тюбик с мазью.

Капли еще хранили тепло, и Фу Цюэчжи почувствовал, как они падают прямо ему на сердце.

Сверху раздался голос Цинь Чаочэня:

— Фу... Фу Цюэчжи... Прости... Прости меня...

Фу Цюэчжи поднял голову и мягко утешил его:

— Не плачь, не плачь, перестань.

Он поднялся на ноги и подушечками пальцев смахнул слезы с лица Цинь Чаочэня.

Обиженно шмыгая носом, Цинь Чаочэнь запротестовал:

— Кто плачет? Кто здесь плачет?

Лицо Цинь Чаочэня покраснело от слез:

— Быть того не может, я вовсе не плачу!

Фу Цюэчжи едва заметно усмехнулся:

— Хорошо-хорошо, ты не плачешь, это у меня в глазах рябит, померещилось. Фу Цюэчжи, вернувшись в квартиру, уже снял верхнюю одежду, оставшись в белой рубашке и чёрной жилетке. Его рельефный пресс угадывался под тканью, холодновато-белая кожа обнажала изящные лопатки, а брюки подчёркивали стройную линию талии и длинные, прямые ноги.

Его голос звучал мягко и ласково:

— Пока ты не плачешь, я согласен на всё.

Черты лица Фу Цюэчжи казались чуть отстранёнными, а профиль — прохладным, но прекрасным. В лучах солнца его бледные губы выглядели чётко очерченными, а сердце в груди замерло на полуслове.

Он знал, что Цинь Чаочэнь плакал вовсе не нарочно. Тот всхлипывал тихо, с невероятной сдержанностью, и лишь когда становилось совсем больно, слегка приоткрывал губы, задыхаясь в беззвучном стоне.

Раньше он был предвзят к Цинь Чаочэню. Эта предвзятость застилала ему глаза, мешая разглядеть истинную суть Цинь Чаочэня, хотя даже тогда, минуя друг друга на ходу, он умудрялся улавливать отсветы света и тепла.

Ему хотелось кричать во весь голос, хотелось сломать розу, хотелось зажать Цинь Чаочэня в кулаке и держать так до тех пор, пока не рухнет мир, пока не растает мох на ступенях и пока морской горизонт не поглотит величественные горные хребты.

В мрачном, тесном углу всё уже прогнило, но из этого тления проросло сердце. До тех пор, пока это сердце не разобьют по кусочку, не раскрасят яркими красками, превратив в нечто блестящее и безупречное.

Цинь Чаочэнь выглядел так, будто его до смерти перепугали. Скукожившись на диване, он судорожно сминал край собственного свитера. Матушка Ли уже увела Цинь Шу в спальню укладывать спать, а Фу Цюэчжи ушёл в гардеробную за аптечкой, так что в гостиной он остался совсем один.

В ушах до сих пор звенел тихий голос матушки Ли, убаюкивающей Цинь Шу, переплетавшийся

со словами, которые Фу Цюэчжи шептал ему на ухо. Обхватив подушку руками, Цинь Чаочэнь густо покраснел и уткнулся в неё лицом.

Как Фу Цюэчжи мог сказать такое? Они же заклятые враги, как с его языка слетали столь... постыдные речи? И ведь прямо перед Цинь Шу! О боже-боже, и как ему теперь людям в глаза смотреть?

Точно! Фу Цюэчжи наверняка пытается его охмурить.

А потом, заполучив его, начнет хвастаться перед всеми: мол, этот глупый Цинь Чаочэнь всё-таки попался в его ловушку.

У Фу Цюэчжи на уме целых восемьсот хитростей.

А у него — всего одна, и по количеству, и по качеству ему с тем тягаться не сойти.

— Приляжешь вздремнуть? — Фу Цюэчжи вышел из спальни, переодевшись в более домашнюю одежду.

Больному нужен отдых — Фу Цюэчжи помнил об этом твёрдо, и вид у него был такой, будто он подгоняет Цинь Чаочэня ко сну.

— Я ещё не хочу спать.

Вообще-то Цинь Чаочэнь немного хотел спать.

Свернувшись калачиком на диване, он заморгал:

— Фу Цюэчжи, а когда мы вообще начали встречаться?

Диван рядом слегка прогнулся, и Фу Цюэчжи оказался на идеальном расстоянии от Цинь Чаочэня — не слишком близко, чтобы не смущать, но и не слишком далеко.

Его прохладный, но мягкий голос произнёс:

— Мы сошлись в тот год, летом, когда учились в выпускном классе старшей школы.

Фу Цюэчжи чуть подался ближе к Цинь Чаочэню. Он казался невероятно сдержанным, но при этом напоминал хитрого хищника. Сквозь призму взгляда Цинь Чаочэня проступали точеные, белые лопатки Фу Цюэчжи, и тот, чувствуя некоторую неловкость, поспешно отвёл глаза, сохраняя должную вежливость.

В глазах Фу Цюэчжи мелькнуло нечто неопределённое. Он вдруг перехватил руку Цинь Чаочэня и искренне произнёс:

— Чаочэнь, как же здорово, что ты очнулся. Иначе я бы просто не знал, что делать.

Фу Цюэчжи расслабил плечи и незаметно придвинулся к Цинь Чаочэню ещё ближе, тайком расстегнув три пуговицы на домашней рубашке.

Цинь Чаочэню стало не по себе, но в то же время сердце кольнуло лёгким укором совести: неужели он и впрямь несправедливо судил Фу Цюэчжи?

Может, Фу Цюэчжи вовсе не такой плохой? Может, он вообще хороший человек.

Не отнимая руки, он заикнулся:

— Я... я же жив, тебе не стоит так сильно переживать.

— Что-то я притомился.

Цинь Чаочэнь залился краской:

— ...Тогда иди ложись.

Квартира была не такой уж маленькой: помимо гостиной, в ней имелось немало комнат. Одну выделили матушке Ли, и ещё три пустовали под гостевые. Хозяйская спальня располагалась второй по коридору, а первая принадлежала Цинь Шу. Дойти от гостиной до спальни занимало меньше минуты, но Фу Цюэчжи уже успел опустить голову на плечо Цинь Чаочэня, и его горячее дыхание обжигало кожу на шее.

— Ну, тогда я спать, — бросил Фу Цюэчжи.

Он скрылся в спальне, а Цинь Чаочэнь с облегчением выдохнул, невольно дотронувшись до собственной шеи, по которой побежали мурашки.

Семья Фу

Фу Чантянь нахмурился:

— Тот участок земли до сих пор не наш?

Фу Чжао выглядел весьма презентабельно в своём деловом костюме:

— Отец, они отказываются продавать нам землю. Из-за того, что к старику Сюй обращалось

слишком много желающих, он решил устроить аукцион.

Брови Фу Чантяня сошлись на переносице:

— Старый проныра, каких поискать!

Старик Сюй был крупнейшим землевладельцем в этих краях. Получив на этот раз сведения о том, что участок в самом центре города собираются пустить под застройку нового жилого комплекса, он положил глаз именно на него. Кто бы знал, что этот старик Сюй окажется абсолютно непробиваемым: подарки принимал, но после этого исчезал без ответа, а когда присылали людей с дарами, попросту возвращал их назад. Деньги же — средство самое примитивное, а при своём положении старик Сюй давно перестал в них нуждаться.

— Отец, семья Цинь тоже положила глаз на эту землю, — добавил Фу Чжао.

Морщины на лбу Фу Чантяня залегли так глубоко, что там запросто мог бы увязнуть целый слепень.

С тех пор как этот парень из семьи Цинь сошелся с Фу Цюэчжи, клан Цинь в некотором роде пошёл на уступки семье Фу, снизив маржу в вопросах прибыли и совместных проектов аж на десять процентов.

Наследник семьи Цинь, Цинь Юаньшэнь, приходился старшим братом Цинь Чаочэню и славился на всю округу безумным обожанием младшего брата. По логике вещей, и на этот раз семья Цинь должна была уступить. А стоило им отступить — и давление на плечах Фу сразу бы ослабло.

Значит, от Фу Цюэчжи всё-таки есть толк.

Фу Чантянь отдал распоряжение:

— Завтра пусть секретарь Сунь съездит и пригласит Цинь Чаочэня с Фу Цюэчжи на домашний ужин. Раз Чаочэнь попал в аварию, ему нужно как следует подкрепиться. Достань из кладовой женьшень, свари бульон, а для Цинь Шу прихвати каких-нибудь сладостей.

Если удастся заполучить этот участок, то какой-то женьшень вообще не имеет значения, — млея от предвкушения Фу Чантянь. Если пара корешков женьшеня способна выменять заветную землю, на неё слейдется любая стая голодных псов.

— Отец, я пойду в комнату, разберу документы.

Вернувшись в свою комнату, Фу Чжао почувствовал, как у него на лбу запульсировала жилка. Сжав кулаки до боли, он впился ногтями в ладони так, что из промежутков между пальцами сочилась яркая кровь. Лицо его исказилось от сжавших челюсти зубов и свирепой гримасы.



С какой стати Фу Цюэчжи живёт так счастливо? Он всего лишь фальшивый молодой господин, занявший чужое место! Если бы его самого с детства обучали точно так же, он бы справился куда лучше Фу Цюэчжи, наладил бы прекрасные связи с семьёй Цинь и сам стал парнем Цинь Чаочэня.

Чем он хуже Фу Цюэчжи? Ведь это он, Фу Чжао, законный и настоящий молодой господин семьи Фу!

С размаху швырнув стоявшую на столе вазу в окно, прямо на газон, Фу Чжао услышал глухой звон: ваза разлетелась на мелкие осколки, и застарелая тяжесть на душе немного отступила.

Снизу, с газона, донёсся чей-то испуганный крик.

Стараясь придать голосу мягкость, Фу Чжао отозвался:

— Простите, я случайно задел вазу, вы не пострадали?

<http://bllate.org/book/21015/2136477>